

Н. Н. Шпанов

«Медвежатник»

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н11 **Н. Н. Шпанов**
«Медвежатник» / Н. Н. Шпанов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 107 с.

ISBN 978-5-458-04301-4

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г., Николай Шпанов — автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика — сквозного героя нескольких произведений — Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-04301-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Николаевич Шпанов

«Медвежатник»

Примерно через полгода после того, как увидел свет маленький сборник «Искатели истины», где описывалось несколько эпизодов из следственно-розыскной и криминалистической деятельности Нила Платоновича Кручинина и его молодого друга Сурена Тиграновича Грачьяна, автором этих строк было получено следующее письмо:

«Уважаемый товарищ!

Прочёл «Искателей истины». Насколько мне не изменяет память, там все на месте: эти частные случаи описаны именно так, как происходили. Тем не менее считаю себя вправе просить Вас о некотором исправлении в общей постановке вопроса. По-моему, всю огромность принципиальной разницы в деле борьбы с преступностью в буржуазном обществе и у нас необходимо показать читателю не только в декларациях от автора или в высказываниях действующих лиц. Нужно рассказать нашим людям и о том, как обстояло это дело во времена царизма и как обстоит теперь: обнажить разницу в самом существе преступности, в её распространении и формах существования. Преступность, как наследие прошлого, существует. Воспитательная работа нашего общества ещё далеко не достигла того, чтобы сделать ненужным ни наказание, ни профилактику преступления. Поэтому я позволю себе приложить к сему список нескольких интересных «дел». В этом списке особняком стоит «Дело Паршина». На него стоит обратить внимание не только потому, что оно интересно с розыскной точки зрения. На его примере можно показать широкому кругу наших молодых людей, что было и чего больше не может быть. Преступность пышным букетом расцвела в былые времена потому, что само правосознание буржуазии способствовало этому развитию. Ведь и хищническая деятельность буржуазии была не чем иным, как преступлением. Вы, конечно, помните мысль Энгельса о том, что если один человек наносит другому физический вред, и такой вред, который влечёт за собою смерть потерпевшего, то мы называем это убийством; а если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его действие умышленным убийством. Если же общество ставит сотни пролетариев в такое положение, при котором они неизбежно обречены на преждевременную неестественную смерть, на смерть столь же насильственную, как смерть от меча или пули; если общество само знает, что

тысячи должны пасть жертвой таких условий и все же этих условий не устраняет, то это ещё более страшное убийство, чем убийство отдельного лица, — это убийство скрытое, коварное, от которого никто оградить себя не может, которое не похоже на обычное убийство только потому, что не виден убийца.

У некоторых наших писателей существует манера представлять дело так, будто уже само буржуазное правотворчество, являющееся зеркалом буржуазного правосознания, не содержит в себе норм, ограничивающих преступления против небуржуазных классов, против пролетариата в целом и против отдельных его представителей. Послушайте меня, не становитесь на такую точку зрения. Её поборники идут по линии наименьшего сопротивления, они пренебрегают фактами, отбрасывают, как якобы несуществующее, то, что им неудобно в буржуазном праве. Это делается вместо того, чтобы с фактами в руках доказать нечто гораздо худшее — что само же буржуазное общество, в лице своих органов расследования и суда, открыто идёт на нарушение, вернее говоря, на обход писанных лицемерных норм существования, не обязательных для самой буржуазии. Для главарей гангстеризма закон о наказуемости грабежа и убийства оказывается в такой же мере обходимым рифом, как для главарей официального монополистического капитала какой-нибудь антитрестовский закон.

Такое положение не успело создаться в дореволюционной России. В ней исполнительная власть не успела поставить знак равенства между воротилами банков и главарями крупных грабительских шайк. Тем не менее питательная среда для широкой деятельности искателей лёгкой наживы всех планов и масштабов существовала. Её создавали не только сами условия капитализма, но и продажность полицейского аппарата империи. С тех пор утекло много воды. Жизнь профессионального правонарушителя царских времён не стоит даже сравнивать с условиями его существования в СССР — настолько сузился «круг деятельности» этих рыцарей ночи.

Теперь преступник-«профессионал» у нас явление гораздо более редкое. А есть преступные «специальности», почти вовсе вымершие. Одной из таких специальностей является «медвежатничество», то есть вскрывание несгораемых касс и сейфов.

В заключение смею Вас просить исключить моё имя из всего, что будете в дальнейшем писать. Сожалею, что уже нельзя этого сделать с отчётами, которые Вы успели опубликовать. Но дальше — не нужно. В нашей среде есть много товарищей, гораздо более сведущих и талантливых, нежели Ваши покорный слуга. В их дея-

тельности Вы найдёте примеры куда более интересной борьбы с преступностью, борьбы за твёрдый советский правопорядок, за чистоту нашего общества.

Примите мой самый дружеский привет.

Полковник Н. Кручинин».

К письму Н. Кручинина был приложен перечень двадцати дел, представлявшихся ему достойными внимания. Первое же ознакомление с некоторыми из них показало, что тот, кто занялся бы их восстановлением и обработкой, не заслужил бы ничего кроме признательности читателей. Материал «Дело Паршина» оказался действительно увлекательным, несмотря на всю свою невероятную хаотичность — ни системы, ни даже хронологии. Работа оказалась трудной ещё и потому, что «дело» уходило своими корнями в далёкие времена и, чтобы показать работу над ним советских оперативников, пришлось заглянуть в уголовное подполье Российской Империи. Это сломало хронологическую чёткость повествования, и автор должен просить у читателей прощения за некоторую конструктивную сложность настоящего отчёта. Зато в деле о «медвежатнике» не осталось ни одной незаполненной строчки, ни одного неосвещённого уголка.

Автор приносит Нилу Платоновичу Кручинину извинения по поводу того, что не последовал его просьбе снять его имя. Правда жизни остаётся правдой. Строго следуя ей во всем, что написано дальше, автор не счёл нужным подменять и имена действующих лиц.

Глава 1

Курьерский Петербург—Москва

— Ну, Колюшка, мне пора, — сказал Федор Иванович, защёлкнул крышку золотых часов и опустил их в жилетный карман.

Слова Федора Ивановича были обращены к сидящему рядом с ним на диване сыну — гимназисту лет пятнадцати, влюблённо-восторженными глазами глядящему на отца.

Федор Иванович поднялся и истово перекрестил сына.

— Христос с тобой... Будь умником.

Мальчик взял в обе свои маленькие руки пухлую, короткопалую руку отца и звонко поцеловал её.

— За хозяина остаёшься, — и Федор Иванович неторопливо обвёл рукою вокруг себя.

Извозчик вёз Федора Ивановича Вершинина с Восьмой линии Васильевского острова на Николаевский вокзал. В ногах извозчика лежал небольшой чемодан жёлтой кожи, сам же Федор Иванович, откинувшись на спинку сиденья и поставив между ногами трость с большой рукоятью из слоновой кости, поглядывал на панели.

Взгляд его особенно внимательно останавливался на женских фигурах, и при этом, широкое, по-модному бритое лицо Федора Ивановича сохраняло самое серьёзное выражение. Никто не угадал бы игривых мыслей этого сорокалетнего мужчины в шубе с воротником и отворотами из великолепного барашка. На голове Федора Ивановича красовался новенький котелок, подчёркивавший солидность всей его фигуры.

Справа Нева дышала ещё холодом нескрывшегося льда, а копыта лошади уже месили весеннюю хлябь грязного снега. Федор Иванович подставил лицо дувшему с реки колючему ветру. Он ничего не имел против этого пронзительного питерского ветра. Вообще, он любил в этом городе все. Москва?.. Нет, Москвы он не любил и ездил в неё только по необходимости. Там было поле его деятельности. Там дни были наполнены только суетой и страхом. В Москве им неотступно владела боязнь сорваться, сделать ложный шаг. Тогда полетит в тартарары всё, что есть у него здесь, в Питере, и там, в недавно купленной тверской усадьбе «Скворешники». Эта усадьба была венцом его мечтаний. Но пока ещё даже в этом новом для него гнезде Федор Иванович не чувствовал покоя. Даже там он постоянно находился во власти страха и неверия в реальность происходя-

щего. Он твёрдо решил, что для того мира, в котором он вращался в Москве, «Скворешники» будут такой же тайной, какую был сын Колюшка.

Пролётка взобралась на крутой подъем разводной части Николаевского моста и поравнялась со стоящей на её развилине часовней Николая-угодника. Федор Иванович отвёл взгляд от реки и, обернувшись к освещённому большому зеркальному стеклу часовенки, левой рукой чуть приподнял котелок, а правой сделал несколько быстрых, мелких крестиков, незаметных со стороны.

Эта многолетняя привычка означала у него как бы прощание с Петербургом. Ежели ему доводилось уезжать, не миновав часовенки, Федор Иванович чувствовал себя так, словно лишился благословения чудотворца — покровителя странствующих. А Федор Иванович был суеверен. Он не любил начинать дело, не перекрестясь. Его наблюдения говорили: всякий раз, когда он покидал родной город, не переглянувшись со святым Николаем, дело у него либо вовсе срывалось, либо кончалось не так, как он того хотел.

На Невском, возле Екатерининского канала, Федор Иванович прикоснулся тростью к спине извозчика, и тот послушно остановился.

— Подождёшь, — барственно бросил Федор Иванович извозчику и перешёл на правую сторону проспекта. Там, в маленькой кондитерской, над скромной дверью которой было золотыми буквами выведено по-французски единственное слово «Рабон», Федор Иванович выбрал нарядную коробку и приказал наполнить её глазированными каштанами. Эти каштаны — специальность французского кондитера — тоже были для Федора Ивановича чем-то вроде благословения Николы-угодника. Без них он не любил приезжать в Москву. Такова была многолетняя традиция, установившаяся в его отношениях с живущей в Москве младшей сестрой Катей.

Когда у вокзальной лестницы носильщик, подхватив чемодан, потянулся к пакету с каштанами, Федор Иванович подал ему его с тем же самым наставлением, какое неизменно делал всякий раз у этих ступеней: с пакетом следовало-де обращаться с осторожностью!

Федор Иванович не любил брать билет на городской станции. Сдав вещи носильщику, он всегда сам подходил к кассе. По курьерскому поезду, которым ехал Федор Иванович, и по всему его виду с уверенностью можно было сказать, что едет он не иначе как до самой Москвы. Не в Бологом же, в самом деле, сойдёт человек в эдакой отличной шубе, держащий под мышкой великолепную трость, че-

ловек, который так ловко, не стягивая с руки перчатки, вынимает из портмоне шестнадцать рублей за билет!.. Все это было так. Но всякий раз Федор Иванович сам наклонялся к окошечку кассы и доверительно, так, чтобы его мог слышать только кассир, требовал себе билет первого класса до Москвы, притом непременно с нижней плацкартой.

В вагоне Федор Иванович осваивался быстро. Совершив два-три конца по коридору и перекинувшись несколькими словами с проводником, он уже в точности знал, кто в каком купе едет, и в зависимости от этого завязывал интересующие его знакомства. Из этих знакомств он решительно никогда не извлекал какой-либо заметной для других пользы: он даже, как правило, не принимал участия в роббере винта, который сам же организовал. Быстро и умело пере-знакомив между собою пассажиров, едущих в двух соседних купе, он с уверенностью железнодорожного завсегдатая растворял разгораживающую эти купе складную дверь-переборку.

Самое большее, что он себе позволял в разгар роббера, — подсесть к кому-либо из игроков и дать несколько безошибочных советов или с видом знатока покритиковать неудачный ход.

— Помилуйте, сударь мой, — солидным баритоном говаривал в таких случаях Федор Иванович, — кто же это при полном ренонсе в пиках да при такой коронке объявляет малый шлем? И себя и партнёра подводите. Если уж у меня на руках...

И Федор Иванович обстоятельно объяснял, как бы он поступил на месте игрока. Объяснение бывало дельным и поднимало авторитет Федора Ивановича в глазах игроков.

Располагаясь на этот раз на бархатном диване вагона, Федор Иванович вспомнил, как он уезжал из Питера, ехал в поезде и приезжал в Москву последние разы. Бог даст и теперь Первопрестольная встретит его суетой белых передников, сочным свистком толстого обера и бесконечной вереницей весёлых московских «ванек». Бог даст... Но... мало ли что может случиться за шестнадцать часов пути? Все в руке божьей!.. Пока, правда, все шло преотлично: разведка произведена, знакомства завязаны, выбор сделан, и, что грех таить, выбор, кажется, неплохой. Традиционный винт организован, и винтёры до сих пор разыгрывают неподатливый роббер уже без советов Федора Ивановича. Сам же организатор винта, уединившись в своём купе с приятным попутчиком, ведёт неторопливую беседу о том, о сём.

Попутчик его, крупный мужчина в несколько старомодном чёрном сюртуке, шёлковые лацканы которого до самого живота скрыты

за окладистой седой бородой, говорит не спеша, негромким густым баском с хрипотцой. Уже в самом баске этом чувствуется, что человек знает цену себе и каждому своему слову.

— Нет уж, государь мой, — мягко перебил его Федор Иванович, ласково прикоснувшись кончиками пальцев к коленке собеседника, — тут вы меня не убедите: никогда московскому воспитанию не достичь петербургского уровня. В Питере, скажу я вам, самый воздух действует, так сказать, воспитующе.

— Однако же, — пробасил старик, — ежели имение ваше, как изволите говорить, в Тверской губернии, то и тяга ваша должна быть к нашей Белокаменной.

— Когда мне, не в качестве отставного коллежского советника, а как тверскому помещику, — Федор Иванович с особенным удовольствием произнёс это слово, — приходится подумывать о брэнной стороне существования, сознаюсь: тоже забываю и дворянство, и чины — и, — Федор Иванович округло взмахнул, — к вам, на Никольскую, на Ильинку...

— А по какой части в Москве дела ведёте?

— Да разные, знаете ли. Вот теперь хочу маслособойный завод ставить, а то до сих пор лён-батюшка гнал меня к вашим толстосумам.

— Лён, говорите? — старик покрутил бороду. — Как же это вы моих рук-то миновали?

— А, простите, с кем имею честь?

Старик с усмешкой назвал одну из самых известных мануфактурных фамилий России. Выяснилось, что едет он из Пскова, где запродавал партию белого товара. При этом сообщении старик машинально притронулся концами пальцев к груди, где сюртук его заметно оттопыривался.

Заметив проходящего по коридору проводника, Федор Иванович приказал стелить. Собеседники вышли в коридор, и приятное знакомство закончилось на том, что мануфактурщик положил себе в карман визитную карточку Федора Ивановича.

Проводник вышел из купе.

— Постелька готова-с.

Попутчики распрощались, и мануфактурист важно удалился на своё место.

Утром, перед Москвой, Федор Иванович вставал обычно одним из первых, чтобы не пропустить пирожки с вязигой, преотменно готовившиеся в клинском буфете.

В Москве до Боярского двора Федор Иванович заехал к сестре

Кате. Вместе с каштанами он вручил ей для сбережения небольшой пакет, плотно увязанный шпагатом. Что в пакете, он не сказал и знал, что, по установившемуся между ними безмолвному уговору, сестра любопытствовать не станет. Что касается мануфактуриста, то лишь в середине дня, выкинув на конторку толстый бумажник и приказав сыну сдать артельщику его содержимое, он узнал, что пухлый бумажник набит плотными пачками чистой бумаги, в которых лишь верхние листки были настоящими «Петрами» и «катушками».

Уже в Боярском дворе, в гостиничной парикмахерской, когда мастер нежно водил по щекам Федора Ивановича бритвой, то и дело заботливо осведомляясь «не тревожит ли», тому пришлось вдруг в голову, что, может быть, именно сейчас вот, в эту самую минуту, обворованный купец раскрыл бумажник и начинает перебирать в уме все подробности своего путешествия. Он представлял себе, как купец думает, думает, трёт морщинистый лоб, тербит седую бороду и час за часом, минуту за минутой вспоминает поездку, вспоминает его, «коллежского советника» и помещика Вершинина...

Тут полные щеки Федора Ивановича начали вздрагивать так, что мастер в испуге отвёл бритву. Федор Иванович растерянно пробормотал что-то о нервах.

Страх делал его память такой острой, что он в точности восставливал теперь каждый свой шаг в вагоне, каждое слово. Вспомнив, что он вручил мануфактуристу визитную карточку, Федор Иванович почувствовал, как у него холодеют колени. Но тут же он себя успокоил: эта карточка его ещё никогда не подводила. Купец допустит всё, что угодно, кроме того, что вор мог вручить ему свою карточку с адресом. Такого ещё не бывало. Нет, нет, никогда не бывало!

А всё-таки, может быть, на будущее время воздержаться от этих карточек? Чем черт не шутит?..

Федор Иванович закрыл глаза и откинулся в кресле.

— Кажется, унялось... можно бриться.

Ласковые прикосновения парикмахера мало-помалу привели в порядок расхолодевшие нервы.

— Позвольте тройной, брокер, цветочный, кельнский?.. — Под укоризненным взглядом! клиента мастер смущённо пробормотал: — Виноват, запомятовал-с...

Федор Иванович никогда не употреблял одеколона после бритья. Он слишком любил гладкую розовую кожу на округлых своих щеках, чтобы портить её одеколоном. Только чистая холодная вода способствует сохранению свежести.

С кресла Федор Иванович поднялся чуть-чуть утомлённый вос-

поминанием об украденных деньгах. Но он знал, что это быстро пройдёт. Состояние не было для него новым, повторялось почти после каждого «дела». Особенно ежели перед тем бывал длительный перерыв в работе.

Федор Иванович велел прыснуть на себя духами «Кожа испанки». Он их очень любил, но пользоваться ими позволял себе только в Москве, на работе. Дав мастеру гривенник на чай, он уже в отличном настроении поднялся в номер.

Номер был невелик и скромен. Федор Иванович не любил попусту бросать деньги. Считал, что уже самого того факта, что он живёт в Боярском дворе, как прикрытия, совершенно достаточно. Пускать пыль в глаза ценою номера нет надобности. Ежели же, не дай бог, что-нибудь случится, то не все ли равно, в каком номере — в большом или маленьком?

Опустившись в кресло возле телефона, Федор Иванович некоторое время в задумчивости ногтем сбивал зацепившиеся за рукав волоски, ускользнувшие от щётки швейцара парикмахерской. Потом позвонил и приказал подать список городских телефонов.

„Гусар смерти“

Том был мальчик хоть куда,

И служил он в чайном магазине...

Роман Романович щёлкнул пальцами и, притопывая носком лакированного сапога с кокардой у коленки, грассируя, пропел ещё одну строку из запомнившейся новой песенки. Он впервые слышал вчера Изу Кремер. Понравилось.

Пра-а-зносил покупки по домам в корзине...

Он прервал себя на полутакте и приотворил дверь. Совсем другим, зычным голосом, в котором чувствовалось умение командовать, крикнул:

— Степан, черт тебя подери!

— Бегу-с.

Коридорный вбежал в номер и с ходу подал чёрную венгерку.

— Ни пушинки-с! — угодливо сказал он и, лизнув себе ладонь, провёл ею по спине Романа Романовича.

Венгерка сидела складно, обрисовывая сухую фигуру Романа Романовича. Кабы шнуры на груди были не чёрными, а серебряными да на плечах были погоны Александрийского гусара!.. Не случайно же на визитных карточках Романа Романовича Грабовского мелким шрифтиком внизу было набрано: «Корнет в отставке». И без этого всякий с первого взгляда опознал бы в нём бывшего кавалери-